

На правах рукописи

Работа выполнена на кафедре общей лингвистики ГОУ ВПО
«Южно-Уральский государственный университет»

БЕРНАТ Оксана Станиславовна

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор
Турбина Ольга Александровна

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА СИМВОЛИЗМА
В ПОЭЗИИ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ**

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор
Казарин Юрий Викторович

кандидат филологических наук,
доцент
Кубиц Галина Васильевна

10.02.19 – теория языка

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Уральский государственный
педагогический университет»

Защита состоится «24» июня 2009 года в __ часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.11 при ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, комн. 248.

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького».

Автореферат разослан «__» 2009 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук, доцент

Назарова Л. А.

Екатеринбург – 2009

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Описание процесса символизации как одного из способов категоризации мира, мотивируемого как языковыми факторами, так и экстралингвистическими – идейно-художественными и культурно-историческими, является одним из интереснейших научных направлений отечественной лингвистики (см.: *Абрамец* 1984, *Бахтин* 1974, 1975, 1976, 1979, *Вартазарян* 1973, *Воскресенская* 2005, *Гачев* 1989, *Гурмон* 1996, *Киселева* 1989, *Леднев* 1997, *Лосев* 1976, 1980, 1982, 1990, 1993, 1994, *Миц* 2000, *Осипов* 1994, *Попова* 1979, *Свасьян* 1980, *Стояновский* 1996, *Тахо-Годи* 1980, *Тодоров* 1998, *Толмачев* 1999, *Фридрих* 1984, *Хмелева* 1985, *Шелестюк* 1997, 2004, *Шестов* 1991, *Яроцинский* 1978 и др.).

Актуальность работы обусловлена, во-первых, недостаточной изученностью проблематики собственно эстетического аспекта символизма, направленного на использование языковой единицы в качестве средоточия мыслей, чувств, переживаний; на рассмотрение слова как информационного центра, соединяющего переживание художника с данными, взятыми из природы. Во-вторых, не менее актуально изучать лингвокреативные возможности художника-творца, способного моделировать познаваемую действительность посредством языка, закрепляя созданные им модели в лингвистических символах.

Для отечественных гуманитарных исследований процесса символизации характерен междисциплинарный подход. Данный процесс изучают философы (Н. А. Бердяев, Д. С. Мережковский, К. А. Свасьян, Л. Шестов и др.), литературоведы (И. Ф. Анненский, М. А. Воскресенская, А. Д. Леднев, Ю. М. Лотман, Д. Д. Обломиевский, А. Пайман и др.), филологи и лингвисты (А. Ф. Лосев, З. Д. Попова, И. А. Стернин, А. А. Тахо-Годи Ц. Тодоров, В. М. Толмачев, С. А. Фридрих, Е. В. Шелестюк и др.). Изучаются следующие аспекты процесса символизации: принципы символизма как направления европейской художественной культуры (*Анненский* 1994, *Бальмонт* 1990, *Бахтин* 1974, 1975, 1976, 1979, *Белый* 1994, *Вартазарян* 1973, *Гачев* 1989, *Гурмон* 1996, *Кирилина* 2000, *Лукин* 1999, *Мережковский* 1982, *Обломиевский* 1973, *Пестова* 1988, *Свасьян* 1980, *Тодоров* 1998, *Шестов* 1991, *Яроцинский* 1978 и др.); категория символа (*Аверинцев* 1971, *Лосев* 1976, 1980, 1982, 1990, 1993, 1994, *Тахо-Годи* 1980, *Тодоров* 1998, *Шелестюк* 1997, 2004 и др.); поэтический текст, в котором функционируют слова-символы, как вербализованный результат символистского мировосприятия (*Абрамец* 1984, *Барлас* 1987, *Баранов* 1987, *Жокина* 1998, *Киселева* 1989, *Стояновский* 1996, *Толмачев* 1999 и др.) и т.д.

При всем многообразии научных работ до сих пор не существует ни одной теории (культурологической, психолингвистической, когнитивной и под.), которая была бы способна всесторонне отразить все аспекты кодирования и декодирования символической информации. Многочисленные исследования в области философии и литературоведения доказали объективность

восприятия символов, однако ни механизмы, ни принципы их отражения в сознании носителей языка до конца не описаны.

Наряду с этим исследование процесса символизации вызвано тем, что важность изучения языковых элементов, обладающих символическим потенциалом, становится очевидной, если принять во внимание широко распространенную точку зрения на человека как на существо, постоянно находящееся в процессе символизации.

Становится актуальным также изучение словесного символа как центральной единицы символического произведения – поэтического текста, поскольку только в поэтическом тексте символ реализует все свои смысловые перспективы, являясь, с одной стороны, средством передачи той или иной информации, с другой – фактом словесного искусства.

Для творчества М. И. Цветаевой, связанного с эпохой символизма, характерно постижение окружающей действительности через языковые связи и отношения и стремление посредством поэзии познать реальность, найти истину, на что обращают внимание многие лингвисты (Н. С. Болотнова, Г. Б. Ванечкова, Л. А. Викулина, Л. В. Зубова, К. Лепилова, В. А. Маслова, И. А. Мещерякова, В. П. Раков, О. Г. Ревзина, М. В. Серова, Е. Фарыно, М. В. Цветкова, Н. В. Черных и др.).

Исследование поэтического наследия М. И. Цветаевой, вызвано тем, что языковые элементы в ее произведениях становятся средоточием чувственного восприятия, инструментом поиска сути вещей и явлений, с помощью которых поэт раскрывает неограниченные возможности языка и создает свой субъективный мир, трансформируя языковые знаки, оформляя их по-новому, включая их в процесс символизации.

Объект исследования – лингвистическая эстетика символизма в поэтических текстах М. И. Цветаевой.

Предмет работы – лингвистические средства, используемые М. И. Цветаевой с целью активизации механизмов порождения символических смыслов в ее произведениях.

Цель работы заключается в выявлении и описании лингвистической эстетики символизма в поэзии М. И. Цветаевой.

Поставленная цель достигается посредством выполнения следующих **задач**:

- описать лингвистическую эстетику символизма, ее категории и единицы;
- изучить основные признаки словесного символа как центральной категории лингвистической эстетики символизма;
- рассмотреть поэтический текст, в котором функционируют словесные символы, и определить его характерные признаки;
- выявить принципы лингвистического анализа поэтического текста, в котором содержатся словесные символы;
- определить особенности лингво-поэтического символизма М. И. Цветаевой на уровне ее поэтических текстов;

- выявить основу поэтического мировоззрения М. И. Цветаевой;
- выявить основные символы, используемые поэтом.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1) впервые описана лингвистическая эстетика символизма, основным принципом которой является переосмысление слова как знака языка в художественном произведении и преобразование его в единицу иного качества – словесный символ;

2) уточнено понятие «слово-символ»; названы отличительные признаки словесного символа;

3) выделены и описаны символы, формирующие суть поэтического миропонимания и мировосприятия М. И. Цветаевой;

4) предложена методика выявления и описания слов-символов, которая впоследствии может быть применена для исследования поэтического творчества других авторов.

Теоретическая значимость работы определяется ее вкладом в разработку концепции художественного текста. Обращение к поэтическому произведению, текстообразующей единицей которого является словесный символ, открывает новые возможности для описания его информативного богатства и индивидуальных свойств, заложенных словом-символом. Данная работа продолжает исследование категорий и признаков поэтического произведения и может способствовать раскрытию новых граней в исследованиях по лингвистике текста, поэтике, теории языка в целом.

Материал диссертационного исследования. Основные источники материала – 90 поэтических произведений, написанных в разные периоды творчества и вошедших в сборники М. И. Цветаевой «Вечерний альбом», «Волшебный фонарь», «Юношеские стихи», «Версты – I», «Версты – II», «Ремесло», «Психея», «После России», а также не собранных в книги (в которых раскрываются следующие темы: «любовь», «одиночество», «предназначение поэта», «поэт и общество», «разлука»). Эти тексты рассматривались нами с точки зрения характеристики слов-символов как идейно-художественных компонентов, определяющих смысловую перспективу всего произведения.

В работе предпринимается попытка совместить лингвокультурологический, семасиологический и текстологический подходы в рассмотрении вопросов, связанных с отражением лингвистической эстетики символизма в поэтическом творчестве.

Методологической основой работы, с одной стороны, явились труды лингвистов, которые заложили основы лингвистического анализа текста как особой филологической дисциплины (Л. Г. Бабенко, Г. О. Винокур, Ю. В. Казарин, Ю. М. Лотман, Г. Я. Солганик, Л. В. Щерба, В. Б. Шкловский, З. Г. Тарланова, М. В. Тростникова, З. Я. Тураева, Ю. Н. Тынянов, Б. М. Эйхенбаум, Л. Н. Ягупова, Р. О. Якобсон, Л. П. Якубинский и др.), с другой – работы лингвистов и философов, разработавших принципы системного изучения словесного символа (С. С. Аверенцев, А. Белый,

В. В. Виноградов, В. Г. Гак, В. А. Звегинцев, Вяч. Иванов, А. Ф. Лосев, О. Г. Пестова, Ф. Сологуб, Ю. М. Степанов, А. А. Тахо-Годи, Т. А. Шкуратова, С. Г. Шмидт и др.).

В своем исследовании мы опирались на мысль Р. О. Якобсона о том, что каждый факт поэтического языка современности воспринимается в неизбежном сопоставлении с наличной поэтической традицией, практическим языком настоящего и проявлением поэтической задачи. Также учитывали, что значение словесных символов не дается, а задается текстом, что этот смысл нельзя разъяснить, а можно лишь пояснить, соотнеся его с дальнейшими символическими сцеплениями.

Методологическую базу исследования составляют:

- описательный метод, предполагающий описание языковых явлений в текстах;

- метод семантической идентификации, с помощью которого определяется значение словесных символов;

- структурно-компонентный;

- метод статистического анализа.

Практическая ценность диссертации заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы при чтении различных вузовских курсов лингвистического цикла: «Семантика», «Стилистика», «Лингвистический анализ художественного текста», а также при изучении творчества М. И. Цветаевой в курсе «История русской литературы двадцатого века», различных специальных и факультативных курсов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Основным принципом лингвистической эстетики символизма является построение поэтического произведения вокруг смыслообразующего слова-символа, в силу чего текст обретает многомерную структуру, способную кодировать информацию о некой символической реальности, основными свойствами которой являются: условность, многомерность, ирреальность.

2. Центральной категорией эстетики символизма является словесный символ, обладающий следующими функциональными характеристиками: 1) отражением чувственного способа познания мира; 2) открытием бесконечных смысловых возможностей; 3) репрезентацией в частном явлении целостного образа мира. Словесный символ рождается в конфликте между сужающейся перспективой образа и расширяющейся перспективой смысловой глубины.

3. Поэтические произведения, в которых имеются словесные символы, обладают универсальными категориями: связностью, антропоцентричностью, диалогичностью, интерпретируемостью. Особенность проявления этих категорий и признаков в поэтическом тексте, в котором функционируют слова-символы, заключается в том, что главным средством эксплицитного выражения текстовых категорий являются лингвистические символы, которые, обладая глубоким потенциалом текстовой значимости, становятся смысловым, идейным и композиционным центром всего поэтического произведения.

4. М. И. Цветаева как яркий представитель русской культуры, вобрав в свое творчество и трансформировав в нем многое из наследия мировой культуры, создала при этом свой собственный символический мир, который отразился в ее поэтических текстах. Каждый из этих текстов представляет собой системно-структурное образование, внутренне организованное словом-символом, созданным творческой энергией поэта и выполняющим функцию ключа к коду смысловой перспективы произведения.

5. Основа поэтического мировоззрения М. И. Цветаевой – создание собственной реальности, обладающей безграничностью и беспредельностью, нарушающей существующие устои, не всегда прозрачной и понятной, но являющейся альтернативой миру реальному.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав – теоретической и практической, заключения, приложения (перечня словесных символов, используемых М. И. Цветаевой, сопоставления слов-символов в мировой культуре и в поэтическом творчестве М. И. Цветаевой), списка использованной литературы и словарей. Объем диссертации – 207 страниц, в библиографическом списке – 209 наименований различных научных публикаций (монографий, сборников и др.) и 18 словарей.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, определяются предмет, цель и задачи работы, разрабатываются методологические принципы исследования, раскрываются его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В **первом разделе первой главы «Эстетика символизма как проявление языкового познания мира»** характеризуется такое направление в культуре конца XIX – начала XX веков, как символизм; рассматриваются его философские и эстетические аспекты.

Философско-эстетические принципы символизма восходят к идеям романтизма: а также к некоторым доктринам идеалистической философии А. Шопенгауэра, Э. Гартмана, Ф. Ницше, творчеству и теоретизированию немецкого композитора Р. Вагнера. Сходство принципов философии романтизма и идеализма с философией символизма основывается, с одной стороны, на противопоставлении (и в романтизме, и в идеализме, и в символизме) реальности с миром видений и грез, с другой – на стремлении увидеть неясное, тайное, что кроется за обыденностью и повседневностью. Символизм как философско-эстетическое мировоззрение основывается на стремлении к видению неясного, скрытого от случайного взгляда; личностном (в чем-то интуитивном) постижении идей, чувств, видений; уподоблении самопознания богоискательству; стремлении к созданию в произведениях искусства условного мира с помощью языковых элементов.

Во **втором разделе первой главы** рассмотрена лингвистическая эстетика символизма, основным принципом которой является переосмысление слова как знака языка в художественном произведении и преобразование его в единицу иного качества – словесный символ.

В этом же разделе анализируется центральная категория лингвистической эстетики символизма – слово-символ. Большинство лингвистов понятие «символ» определяется через понятие «знак». Символ рассматривается как особый знак – двуплановый и двусторонний феномен, соединяющий видимое и невидимое (Бахтин 1979); как знак, который предполагает использование своего первичного содержания в качестве формы другого, более абстрактного и общего содержания, причем вторичное значение, которое может выражать понятие, не имеющее особого языкового выражения, объединяется с первичным под общим означающим (Шелестюк 1997, Абдулин 1999); символ также рассматривается как некоторое знаковое выражение высшей и абсолютной незначимой сущности (Лотман 1996), или в качестве знака, наделенного... органичностью и неисчерпаемой многозначностью образа (Аверинцев 1971).

Кроме того, во втором разделе изучена знаковая и образная природа символа. Предметный образ и глубинный смысл выступают в структуре символа как две полярные точки (Аверинцев 1971). Символ рождается в конфликте между сужающейся перспективой образа и расширяющейся перспективой смысловой глубины. Формирование символа происходит путем использования языковой единицы, взятой в неразрывной цельности ее плана выражения и плана содержания для обозначения инородного, обычно абстрактного по характеру, денотата (Абдуллин 1999). В данной работе мы рассматриваем символ в качестве такого слова, в котором используется языковое значение для условного именованного умоизобразительного объекта, существенно расширяющее смысловую перспективу обозначаемого за счет своей многозначности и семантического потенциала.

Исследована и многозначность символа, являющаяся многозначностью особого рода: полисемия обычного языкового знака снимается в художественном контексте, а многозначность символа, напротив, акцентируется. В коммуникативном аспекте многозначность слова-символа объясняется его семантической осложненностью в структуре целостного текста. Способность символа ассоциироваться с другими единицами внутри контекста приводит к варьированию его семной структуры и к его индивидуализации в каждом новом словесном окружении. Согласно концепции А. Ф. Лосева, смысл символа не дан, а задан; этот смысл нельзя разъяснить, а можно лишь пояснить, соотнеся его с дальнейшими символическими сцеплениями (Лосев 1993).

В первой главе также рассматривается вопрос о формировании символического значения. В результате работы установлено, что символическое значение слова является некой разновидностью значения, где имеется условная или ассоциативная связь между символизирующим и символизируемым;

в роли символизирующего при этом выступает прямое значение слова, а символизируемым становится символическое значение этого слова (О. Г. Пестова). Символическое значение слова, иное, отличное от прямого, номинативного, представляет собой расщепление коннотативного макрокомпонента и усложнение семантических признаков (Л. М. Васильев), при этом коннотативная часть значения лежит в мыслительной сфере, определяется особенностями системы языка, традициями употребления слова, многими субъективными моментами (З. Д. Попова, И. А. Стернин). Символическое значение, как правило, не мотивируется прямым значением слова, и объяснить механизм его образования и развития семантически возможно не всегда. Если одна и та же лексема принимает участие в формировании значительного количества устойчивых словосочетаний, они систематизируются, результатом чего является выделение символа.

Во втором разделе первой главы выявлены и описаны признаки слова-символа, отличающие его от языкового знака.

1) Знак языка обязателен. Это элемент знаковой системы (кода) и потому его энергия направлена на точность выражения. Слово-символ, будучи элементом творческой композиции произведения, условно. Оказиональность его употребления может достичь предела, когда обозначаемое словом понятие становится символом «понятия-антонима».

2) Знак языка стремится к однозначности, или, по меньшей мере – к ограничению объема значений: он тем семиотичней, чем менее многозначен. Слово-символ тем содержательнее, чем более оно многозначно: по мере роста смысловой глубины символичность усиливается. Слово-символ тяготеет ко всезначности.

3) Слово как знак языка реально вне контекста. Существование слова-символа всегда ограничено рамками контекста: вне контекста оно утрачивает актуальность и заданный смысл.

4) Знак языка – это единица кода, (общенационального) языка. Слово-символ – это ключ к коду, который используется отдельным автором для воссоздания активно воспринимаемой им действительности: структура символа направлена на то, чтобы дать через каждое частное явление целостный образ мира, поскольку он вербально выражен.

В третьем разделе первой главы рассмотрен поэтический текст, в котором содержатся слова-символы, названы его категории и качества (связность, антропоцентричность, диалогичность, социологичность, интерпретируемость). Художественное произведение, в котором функционирует слово-символ, – это неконкретное указание на какую-либо ситуацию, на какое-либо явление и возможности вариантного их рассмотрения при назначенных автором параметрах (А. В. Леднев). Особенностью текста с содержащимися в нем словесными символами является недоговоренность, рациональная непроявленность высказывания для передачи неявного, тайного; в нем используется беглый язык намеков и недосказов. Посредством намеков и недосказов формируется поэтика предельности, где каждый элемент стремится выразить из-

начальную функцию, предел (М. Ю. Стояновский), максимально сократив дистанцию между активностью творческого бессознательного и сознанием, между искусством и жизнью (Ц. Тодоров). Отражением поэтики предельности становятся слова-символы, которые, углубляют смысл художественного образа, порождая в душе воспринимающего обширные сцепления мыслей, чувств, настроений (М. Ю. Стояновский). Словесные символы становятся текстовыми единицами, неким центром, в котором реализуется художественная идея. Эти единицы поэт использует, чтобы заставить нас сосредоточиться в одном пункте, забыть себя ради известного предмета, увидеть мир (А. А. Потебня). Посредством символов формируется условная реальность, основными свойствами которой являются: *условность* (ограничение существования реальности рамками одного текста), *многомерность* (существование пространства в пространстве), *ирреальность* (отражение новой действительности, в которой возможно абсолютно все, о чем мечтает и к чему стремится художник).

В четвертом разделе первой главы рассмотрены принципы анализа поэтического текста. Цель лингвистического анализа текста, в котором содержатся словесные символы, состоит в выяснении соотношения идейно-тематического содержания и форм взаимодействия языковых элементов. Задачами лингвистического анализа такого поэтического текста являются:

1) выявление слов-символов, находящихся в нем, и описание механизма формирования семантической структуры словесных символов;

2) выяснение системы отношений, в которые вступает слово-символ, и описание (на основе выявленной системы отношений) созданной автором символической реальности.

Вторая глава диссертации «**Особенности лингво-поэтического символизма М. И. Цветаевой**» состоит из двух разделов. В первом разделе второй главы «Лингво-поэтическое воплощение символического мира М. И. Цветаевой» характеризуется поэтика М. И. Цветаевой как отражение лингво-эстетического принципа символизма, где абстрактное выражается через частное, а разрешением внутренних противоречий становится символ – сгусток смыслов и художественных приемов.

В этом разделе представлена схема (которой пользуемся в ходе исследования) выявления словесного символа в поэтическом тексте и определения его значения.

1. Выявить в поэтическом произведении слово, текстовое значение которого, последовательно раскрываясь, усложняется и отличается от существующего значения в системе языка.

Ятаган? Огонь?

Поскромнее, – куда как громко!

Боль, знакомая, как глазам – ладонь,

Как губам –

Имя собственного ребенка.
1924

Слово – *боль*, символизирующее «любовь». Значение данного слова последовательно раскрывается в тексте, посредством используемых автором медитативно-вопросительных предложений, которые поэтесса задает сама себе, с целью найти нужный ответ для определения явления или чувства. Семантико-грамматическая особенность данных предложений – номинативных – заключается не в простом указании на данное явление или чувство, а в содержащемся в этом указании оценки, поэтому для называния явления или чувства поэт использует слово «*боль*», значение которого, последовательно раскрываясь в тексте, осложняется. В языковой системе значение слова «*боль*» – «ощущение страдания», например, *зубная боль*, *душевная боль* (Ожегов, Шведова).

2. Проанализировать, значение каких единиц, существующих в системе данного поэтического текста, стало ассоциативно мотивируемым со значением исходного слова (элемента творческой композиции).

В поэтическом произведении лексема «*боль*» ассоциативно связана со словами: *ятаган*, *огонь*. Таким образом, М. И. Цветаева поясняет, что некое явление или чувство воспринимается лирической героиней неоднозначно: подобно ране, полученной острым кинжалом, и подобно силе человека, защищенного мечом; подобно яркому свету костра, озаряющему все вокруг, и подобно губительному пламени, уничтожающему то, что дорого. Семантическая сочетаемость компонентов в последней части произведения дает нам возможность предположить, что речь идет все-таки о чувстве сердечной привязанности, которое связано с самым дорогим в жизни человека – именем ребенка. То есть в слове «*боль*» содержится и ассоциирование с другими единицами данного текста, и условное название чувства. Семантический потенциал словесного символа, раскрывая расширяющуюся смысловую перспективу, указывает на амбивалентность данного чувства, поскольку оно (чувство) может быть и сопоставимо с неким непреходящим даром, чудом, и связано с ощущением страдания, муки: *боль* при рождении ребенка и радость от осознания того, что он есть, *боль* от разлуки с любимым и радость встречи с ним, *боль* неразделенной любви, и радость в единении с любимым.

3. Определить смысловую глубину исходного элемента.

Восприятие любви как боли и отказ от высокопарных слов «*ятаган*, *огонь*» дает возможность поэту сказать читателям о том, что любовь – это и мучительное, и согревающее душу, как *имя собственного ребенка*, чувство, бескорыстное, самоотреченное, жертвенное, оттого сильное, способное уцелеть и на расстоянии. Таким образом, в слове-символе «*боль*» реализуются следующие разновидности любви: 1. «любовь как прекрасное, искреннее чувство»; 2. «любовь как голос страдания»; 3. «любовь как пульсирующая стихия»; 4. «любовь как дар, чудо»; 5. «любовь как разлука»; 6. «любовь как лекарство от всех бед и невзгод»; 7. «любовь как утешение».

4. Используя содержательный потенциал исходного элемента, определить смысловую перспективу произведения.

В тексте «*Ятаган? Огонь?..*», написанном М. И. Цветаевой в период эмиграции, звучит тоска по совершенному миру, в котором любовь, искреннее, светлое чувство, является источником радости для людей. Трагический мотив неосуществимости сокровенной мечты о неземном счастье в поэтическом произведении вербализуется в слове-символе *боль*. Именно этот символ формирует драматическую и напряженную символическую реальность, характеризующуюся стихийностью, мощной энергетикой и безмерностью, что связано, с одной стороны, с воспеванием поэтом величайшего из человеческих чувств, а с другой – с осознанием того, что радостная песнь становится голосом страдания, надежда – огорчением, счастье – горем, единение с любимым – обреченностью на разлуку. Любовь, по мнению М. И. Цветаевой, способ существования, спасение от несправедливости, несовершенства жизни, несмотря на то, что это чувство приносит страдания, терзает и ранит душу.

По данной схеме было проанализировано 90 поэтических текстов М. И. Цветаевой. В результате исследования были выявлены словесные символы со значениями: «любовь» (31 пример); «поэтический дар / поэт» (13 примеров); «свобода» (10 примеров); «перемещение из одного мира в другой» (9 примеров); «сила» (4 примера); «расставание / прощание» (4 примера); «познание / постижение действительности» (3 примера); «воображение» (2 примера); «радость» (2 примера); «беда» (2 примера); «внешний мир» (2 примера); «сердце» (2 примера); «несвобода» (1 пример); «досада» (1 пример); «ожидание» (1 пример); «поэтическое слово / поэтическая мысль» (1 пример); «победное торжество» (1 пример); «зрелость» (1 пример); «жизнь» (1 пример); «внутреннее Я» (1 пример).

Во **втором разделе второй главы** «Анализ поэтических текстов М. И. Цветаевой, в которых функционируют слова-символы», содержится описание выявленных словесных символов и характеристика созданной с их помощью условности, выраженной в произведении.

1. Так, например, **символы со значением «любовь»** используются поэтом для выражения свободного волеизъявления эмоций. С их помощью М. И. Цветаева воспевает саму стихию чувств (от материнской нежности, самоотреченной и неприсваивающей, до кипящей страсти, попирающей людские и божественные законы; от кокетства и озорства до отказа от живой жизни), где так причудливо сплетаются, сочетаются и отталкиваются друг от друга импульсы душевных движений. Сила чувств, воплощенная в произведениях поэта, покоряет безмерностью эмоций, мудрости, страсти, темперамента. Данные символы мы выявили в следующих произведениях: «*Ятаган? Огонь?..*»; «*Ты меня никогда не прогонишь...*»; «*Удостоверишься – повремени...*»; «*Пахнуло Англией и морем...*»; «*Я ли красному как жар киоту...*»; «*Руки – и в круг...*»; «*В пустынной храмине*»; «*Два дерева хотят друг к другу...*»; «*И падает шелковый пояс...*»; «*Каждый день все кажется мне: суб-*

бота...»; «Между нами клинок двуострый...»; «К тебе, имеющему быть рожденным...»; «Милые спутники, делившие с нами ночлег...»; «Собирая любимых в путь...»; «Из Польши своей...»; «Умирая, не скажу: была...»; «Расцветает сад...»; «Раковина»; «От меня к невесте...»; «За то, что некогда юн и смел...»; «Над черным очертаньем мыса...»; «Мы с тобою лишь два отголоска...»; «О, всеми голосами раковин...»; «Что же! Коли кинут жребий...»; «Пора! Для этого огня...»; «Вот опять окно...»; «Она подкрадется неслышно...»; «Собрались, льстецы и щеголи»; «Расцветает сад...»; «Полнолуние и мех медвежий»; «Все перебрав и все отбросив...»; «Ледяная тиара гор...»; «Есть час на те слова...».

2. С помощью словесных символов со значением «поэтический дар / поэт» автор создает собственный символический мир, поражающий пространственной и временной необъятностью, мир собственных фантазий, мифов и снов наяву, где герои, обладая поэтическим даром, словом прокладывают себе путь в вечность. Данные символы используются поэтом в произведениях: «Маяковскому»; «Литературная – не в ней...»; «И полушки не поставишь...»; «Поэт – издали заводит речь...»; «Георгий»; «И другу на руку легло...»; «Я знаю, я знаю...»; «Стихи к Блоку»; «О муза плача...»; «Разлетелись в серебряные дребезги...»; «В сапогах, подкованных железом...»; «На брэнность бедную мою...»; «Моим стихам...»; «Что другим не нужно – несите мне...».

3. Слова-символы со значением «свобода» позволяют поэту описать нечто открытое и беспредельное, где ничто и никто не давит, где нет места душевной тесноте. В поэзии М. И. Цветаевой свобода – это не просто отсутствие стеснений и ограничений, это выход за пределы феноменального бытия, за пределы вселенной. Словесные символы, имеющие значение «свобода», употребляются в таких поэтических текстах: «Грудь женская! Души застывший вдох...»; «О путях твоих пытать не буду...»; «Водопадами занавеса, как пеной...»; «Прощай...»; «Я помню ночь...»; «Пахнуло Англией и морем...»; «Не ветром ветреным до осени...»; «Кто создан из камня...»; «Поезд»; «Беженская мостовая»; «Самовластная слобода...»; «Вереницу певчих свай...»; «Широкое ложе для всех моих рек...»; «Знаю, умру на заре...»; «Ты запроклываешь голову...».

4. Слова-символы со значением «переход из одного мира в другой» используются М. И. Цветаевой с целью противопоставления мира реального (земного), в котором живут обычные люди, и мира неземного, в котором обитают творцы. С их помощью автор создает символическую реальность, где для крылатой души (В. А. Маслова) поэта не существует никаких границ, где перемещение в иной мир (за пределы дома, души, земных союзов) процесс вполне обычный. Для М. И. Цветаевой переход из одной ипостаси в другую – это удел души поэта, постоянно устремленной в высший мир; это осознание творческой исключительности творца, с которым даже смерть не может совладать. Символы со значением «переход из одного мира в другой» содержатся в поэтических произведениях: «Знаю, умру на заре...»; «Гла-

за...»; «Не чернокнижница...»; «Я знаю эту бархатную брэнность...»; «Когда же, господин...»; «Нежный призрак...»; «Могла бы – взяла бы...»; «Не штык – так клык...»; «Покамест день не встал...».

5. Слова-символы со значением «сила» используются поэтом для того, чтобы продемонстрировать духовную оппозицию к существующему укладу жизни, с которым она не хотела и не могла смириться. Посредством словесных символов, имеющих значение «сила», М. И. Цветаева создает такую символическую реальность, в которой невозможным становится проявление апатии, пассивности и трусости в момент опасности, и провозглашается сила духа, в следующих текстах: «Ресницы, ресницы...»; «Никто ничего не отнял...»; «Настанет день...»; «Взяли...».

6. Символы со значением «расставание / прощание» являются основой такой реальности, в которой какие-либо факты общественной и личной жизни управляют условным миром, меняя и деформируя его. Эти символы – указание на изначальную обреченность любви, на незащищенность человека перед судьбой, поэтому в произведениях («Вьюга намечает в полы...»; «Все круче, все круче заламывать руки...»; «Заочность»; «Я помню ночь на склоне ноября...»), где они встречаются, звучит мотив боли и отчаяния из-за осознания неизбежности разъединения любящих душ.

7. С помощью слов, символизирующих познание / постижение действительности, М. И. Цветаева (в текстах: «Так вслушиваются...»; «Красною кистью...»; «Август – астры...») демонстрирует, как неожиданно глубоко может проникнуть человек, стремясь к разгадкам божественных тайн и отдавая себя во власть стихии и интуиции. Как полагает поэт, познание – это процесс, связанный, не только с разгадыванием тайн бытия, но и с постижением собственного Я.

8. М. И. Цветаева, стремясь в творчестве к непонятному и таинственному, с помощью слов-символов со значением «воображение» (в текстах: «Ночь»; «Нет, легче жизнь отдать...») создает такую атмосферу, которая позволяет посмотреть на мир по-иному, проникнуть в самую суть вещей, отделиться от враждебной реальности.

9. Слова-символы со значением «радость». Радость в поэзии М. И. Цветаевой – это чувство внутреннего Я, ощущение внутреннего комфорта, возникающее в ответ на гармонию со средой и с самим собой (В. А. Маслова). Ее ранние произведения наполнены счастьем и радостью, легкомыслием молодости и весельем. Даже в годы революции и гражданской войны в ее поэзии слышны мощные всплески радости, упоения творчеством, живой жизнью, ее дарами, неожиданными встречами и счастьем вспыхивающей любви (И. Кудрова). В художественных произведениях («Другие с очами и с личиком светлым...»; «Кабы нас с тобой – да судьба свела...»), где текстообразующими элементами являются словесные символы со значением «радость», поэт словно открывает мир в себе, радуется его свету теплу и добру, провозглашая успех, удачу и удовлетворение от всего, и, испытывая положительные эмоции, дарит их своим читателям.

10. **Символы со значением «беда».** Слова-символы этой группы (выявленные нами в текстах: «Взяли...»; «О, слезы на глазах...») являются основой такой реальности, в которой какие-либо факты общественной и личной жизни управляют условным миром, меняя и деформируя его.

11. **Слова – символы со значением «внешний мир».** М. И. Цветаева всех людей делила на поэтов и не поэтов (В. А. Маслова). Как поэт, она совместила в себе и творца, и мыслителя, и человека, сломленного бытом, отсюда обреченность на страдания от внутренней противоречивости, разъятости между мирами: земным и небесным, реальным и ирреальным.

Реальный мир, отраженный в произведении «*Не штык – так клык...*», – душное пространство, где всего понемножку, где эмоции заменяются папилотками и щипцами, полет мысли – духотой бань, поэтому лирическая героиня-поэт противопоставлена миру, непонятна ему, поскольку способна жить, проявляя чувства.

12. **Слова-символы со значением «сердце»** (в произведениях: «*Она подкрадется неслышно...*»; «*Два солнца стынут...*») указывают на форму духовной жизни человека, на его желание получить ответы на интересующие вопросы, открыв свое сердце тому, что скрыто от посторонних глаз.

В произведениях М. И. Цветаевой слова-символы со значением «сердце» указывают на средоточие чувств, переживаний, настроений лирической героини.

13. **Символы со значением «несвобода».** Несвобода, по мнению М. И. Цветаевой, это неизбывная тоска, тяжелое испытание, вызванное скованностью, ограниченностью, душевной теснотой, из которой хочется навсегда вырваться в безграничное пространство и обрести долгожданную независимость от всяких условностей и предрассудков. Данные символы содержатся в поэтическом произведении «*Не возьмешь мою душу живу...*».

14. **Символы со значением «досада».** В некоторых поэтических произведениях М. И. Цветаевой доминирующей нотой являются глубокие переживания поэта от разлуки с родиной, любимым, близкими, друзьями, с миром, дающим вдохновение. Эти тексты полны напряжения и драматизма. С помощью словесных символов, условно называющих такое чувство, как досада, автор (в тексте «*Нежно-нежно, тонко-тонко...*») воссоздает и безнадежность своего положения, и беззащитность перед миром, судьбой, и мольбу о спасении.

15. **Символы со значением «ожидание».** Ожидание, по мнению поэта, может быть тягостным и мучительным, но одновременно радостным и счастливым. Горечь, мучение и непрекращающееся ожидание счастья М. И. Цветаева передает в тексте «*Письмо*».

16. **Символы со значением «поэтическое слово»** используются в тексте «*Разлетелось в серебряные дребезги...*». Для М. И. Цветаевой поэтическое слово очень значимо, поскольку именно слово, имеющее божественное происхождение, – начало всему. С его помощью она может раскрыть ми-

ру свой внутренний мир, рассказать о том, что ее тревожит, сказать о своем отношении к кому-то или чему-то, то есть выразить себя.

17. Посредством словесного **символа со значением «победное торжество»** М. И. Цветаева (в произведении «*Нет, бил барабан перед смутным полком...*») очень выразительно воссоздает такую реальность, в которой происходит взрывание навязанных кем-то устоев, следствием чего является победная песнь тем, кто сумел выстоять, кто не испугался и не переступил через себя.

18. С помощью **слова-символа со значением «зрелость»** М. И. Цветаева в поэтическом произведении «*Август – астры...*», с одной стороны, выражает упоение живой жизнью, ее дарами, неожиданными мечтами и счастьем вспыхивающей любви, а с другой – сожаление о том, что многое уже никогда не сбудется. Поэт полагает, что середина жизненного пути – это период, с одной стороны, противоречий и сомнений, с другой – довольства и радости.

19. **Словесный символ со значением «жизнь»** М. И. Цветаева использует в тексте «*Я знаю, я знаю...*» для раздумий над философским вопросом о том, способен ли человек изменить свою жизнь, противостоять тем испытаниям, которые ему посылаются. С помощью таких символов автор сообщает читателям то, что ему известно о жизни: во-первых, жизнь предопределяется высшими силами и не зависит от самого человека; во-вторых, человек не способен изменить законы мира и природы; в-третьих, жажда власти над своей жизнью позволяет нарушить основы мироздания и вступить в борьбу за свою судьбу.

20. **Символы со значением «внутреннее Я»** поэт употребляет в тексте «*Врылась, забылась...*». По мнению М. И. Цветаевой, умение заглянуть в себя – это то, что отличает человека от животного. Настоящий человек, считает поэт, за свои поступки, пусть не всегда правильные или осмысленные, отвечает сам, без какого-либо посредничества, поэтому диалог с собой позволяет внимательно посмотреть вокруг, чтобы увидеть правду, какой бы страшной она ни была.

Исследование показало, что посредством слов-символов, функционирующих в художественных произведениях, М. И. Цветаева создает собственный мир, не всегда прозрачный и понятный, но всегда очень притягательный, поскольку словесные символы, созданные поэтом, – это такой вид знаний, который рождается в результате субъективного видения объективно существующих в мире закономерностей. Этот мир отличается драматической напряженностью, открытостью, запредельностью и является альтернативой миру реальному. В нем [условном мире] есть многое: и события внутренней и внешней жизни, и строения, которые побудили ее творить.

Так, например, в поэтическом тексте «*Кто создан из камня...*» М. И. Цветаева с помощью созданных ею слов-символов выражает свое отношение к жизни и осмысливает свое место в нем.

Чтобы поведать о себе, о своем отношении к жизни, к окружающей действительности, М. И. Цветаева в данном поэтическом тексте создает такую условность, где главной героиней, свободолюбивой, искренней, смелой, является она сама – Марина. Таким образом, личное имя *Марина* (*морская*) становится текстообразующим словом-символом поэтического произведения:

*Кто создан из камня, кто создан из глины, –
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело – измена, мне имя – Марина,
Я – брэнная пена морская.*

*Кто создан из глины, кто создан из плоти –
Тем гроб и надгробные плиты...
В купели морской крещена – и в полете
Своем – непрестанно разбита!*

*Сквозь каждое сердце, сквозь каждые сети
Пробьется мое своеволие.
Меня – видишь кудри беспутные эти? –
Земною не сделаешь солью.*

*Дробясь о гранитные ваши колена,
Я с каждой волной – воскресаю!
Да здравствует пена – веселая пена –
Высокая пена морская!*

1920

Отражение в характере лирической героини свободолюбия реализуется за счет противопоставления, смысловой оппозиции, эксплицитно выраженной в начале текста с помощью противительного союза *а*. При этом в первой строфе проявляются парадигматические отношения, которые связывают лексемы *камень, глина* по принципу частично-совпадающих отношений. В языковой системе они совпадают в общей для них семе «горная порода», в системе поэтического текста они совпадают в семе «земное», формируя антонимию взаимоисключающего типа *земной – морской*. В оппозицию вступают и местоимения *кто – я*, поскольку относительное местоимение, в силу наличия в его семантической структуре семы третьего лица (объективно-логического), указывает на обобщение, а личное местоимение – на конкретное лицо, на говорящего. Семантическая сочетаемость компонентов в выражении:

*Кто создан из камня, кто создан из глины, –
А я серебрюсь и сверкаю!*

– подсказывает, что лирическая героиня способна самостоятельно совершать действия, в чем отказано тем, кто ей противопоставлен (на это указывает анафора, одним из элементов которой является страдательное причас-

тие). Поэтому на основе оппозиции *земной – морской* формируется новая – *статичный – динамичный*. Статика связана с употреблением нефинитной формой глагола пассивного залога *создан*, обладающего типовой семантической характеристикой пассивного участника ситуации, которую он не контролирует и не исполняет. Динамику поддерживают глаголы *серебриться и сверкать*, в которых течение действия, неопредельного по своему характеру, увеличивается. Так глагол *серебриться* в системе языка имеет значение «сверкать серебряным блеском» (С. И. Ожегов), но в словаре есть указание на то, что данный глагол является недостаточным, поскольку не может употребляться в формах первого и второго лица. М. И. Цветаева употребляет его в форме первого лица в значении «мелодично, звонко звучать». То есть в поэтической системе у данного глагола появляется новое «звукковое» значение, которое ассоциируется со звуком изделий из серебра и раскрывает образ лирической героини как сладкоголосой сирены, а глагол *сверкать* указывает и на яркий свет души героини, ее внутреннюю красоту. Этот образ любви и красоты поддерживается именем собственным *Марина*, приобретающим в поэтическом тексте символическое значение.

*Мне дело – измена, мне имя – Марина,
Я – брэнная пена морская.*

Таким образом, М. И. Цветаева строит образ своей лирической героини в его сложном и противоречивом отношении к миру: с одной стороны, лирическая героиня является частью этого мира, а с другой – она противопоставлена ему, борясь с ним и утверждая собственное Я: *мне дело – измена; я – брэнная пена морская*. Лексическая единица «*измена*» не используется в поэтическом тексте в значении «предательство, нарушение верности», хотя именно такое значение данная лексема имеет в системе языка. В поэтической системе данное слово приобретает сему «*иное, другое*», указывая на то, что героиня не похожа на других, она отличается от всех, тем, что действует, не боясь исчезнуть, раствориться во времени (*брэнная пена*), потому что ее жизнь – постоянное движение. Удел же тех, *кто создан из плоти – гроб и надгробные плиты*, их жизнь ничем не отличается от смерти, поскольку в ней [жизни] нет легкости, движения, а пространство для существования ограничено. Для героини же нет сковывающих преград и даже сосудом, в котором совершают обряд крещения, становится бескрайнее морское пространство, где волны разбиваются на сотни тысяч мелких брызг, чтобы впоследствии снова слиться со стихией:

*В купели морской крещена – и в полете
Своем – непрестанно разбита!*

В данном случае автор использует семантический потенциал слова-символа *Марина*, который в данном контексте символизирует свободу, и через него, а также по своему понятию, объему значений и ассоциативным семантическим связям совмещает семы: *морской – живой = морской – свободный*. Следовательно, значение слова-символа *Марина* – «*свободная от условностей, живая*».

Так автор объясняет, что *лирическая героиня, свободная от условностей, мешающих жить и творить, не боясь действовать, имеет возможность быть услышанной с каждым новым словом, с каждой новой мыслью.* Ощущение полной свободы выражено в сочетании *в полете своем*. Земное притяжение не действует на героиню, которая имеет возможность парить над миром, наслаждаясь ощущением полета, дающего ей возможность выразить себя:

Сквозь каждое сердце, сквозь каждые сети

Пробьется мое своеволие.

Меня – видишь кудри беспутные эти? –

Земною не сделаешь солью.

Анафорическое сочетание предлога *сквозь* и обобщающего местоимения *каждый*, употребляемых при обозначении активного действия – *пробьется*, указывает на то, что для лирической героини не существует никаких преград, ее мысли и слова: *мое своеволие* будут услышаны теми, чьи сердца открыты для «свежего, морского, чистого воздуха»: *сквозь каждое сердце*, и теми, кто стремится это новое веяние не замечать: *сквозь каждые сети*. В системе языка лексема *своеволие* имеет значение «прихоть, произвол» (С. И. Ожегов), обладая отрицательной коннотацией. В системе же поэтического текста эта лексическая единица, сохраняя значение «прихоть», этой отрицательной оценочности не имеет, указывая на собственную волю, на выражение собственного Я, на полную свободу. Лирическая героиня легко, свободно и непринужденно чувствует себя: *видишь кудри беспутные эти?* Так автор объясняет, что в этом свободном мире душа всегда находится в состоянии полета (ср.: *полет мысли*), а использованием риторического вопроса и тире еще раз заставляет обратить внимание на этот факт тех, кто стремится вернуть ее на землю, заставив вспомнить о земном притяжении: *Меня – ... Земною не сделаешь солью*. Смысловая насыщенность фразеологического сочетания *соль земли* в поэтической системе позволяет поэту выразить недоверие тем, кто стремится властвовать, подчиняя других себе, хотя в системе языка фразеологизм *соль земли* имеет значение «лучшие представители общества» (С. И. Ожегов), и в этом проявляется конфликт лирической героини с обществом:

Дробясь о гранитные ваши колена,

Я с каждой волной воскресаю!

– преодоление преград дает ей возможность возрождаться к жизни вновь и вновь. А это возрождение сопровождается движением волн – «жизнью» моря. Осознание своего величия наполняет героиню огромной радостью, поэтому последние строки звучат как зазданный тост, который структурно выражен градиционной цепью, где каждое звено является значимым и приводит к нарастанию экспрессии, которая, достигая наивысшей точки, завершается катарсисом (очищением):

Да здравствует пена – веселая пена –

Высокая пена морская!

Таким образом, выражение внутреннего мира, собственного Я вербализуется в данном произведении с помощью слова *Марина (морская)*, в котором реализуются следующие значения: «свободолюбие»; «инакомыслие»; «свобода творчества»; «свобода от условностей».

Следовательно, при создании словесных символов М. И. Цветаева экспериментирует в области поэтической семантики, расширяя экспрессивные и номинативно-изобразительные возможности слова, расширяя ассоциативные ряды, способные вызывать дополнительные значения, неназванные представления.

В **Заключении** обобщаются результаты исследования и намечаются перспективы разработки данной темы.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах:

I. Статья, опубликованная в ведущем рецензируемом научном журнале, определенном ВАК РФ:

1. Бернат О. С. Эстетический идеал символизма и его отражение в языке / О. С. Бернат // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Лингвистика. – Выпуск 1. – Челябинск, 2004. – С. 71-75. – 0,3 п.л.

II. Другие публикации:

2. Бернат О. С. Отражение языковой системы в поэтическом тексте / О. С. Бернат // Теория и методика преподавания языков в вузе: Тезисы докладов. Международная научно-практическая конференция. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2003. – С. 6-7.

3. Бернат О. С. Отражение языковой картины мира в художественном тексте / О. С. Бернат // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: Материалы II Международной научной конференции. – Челябинск, 2003.- С. 133-135.

4. Бернат О. С. Поэтический текст как знаковая единица / О. С. Бернат // Язык. Система. Личность: Сборник научных трудов – Екатеринбург, 2003. – С. 60-64.

5. Бернат О. С. Преобразование языкового знака в символ / О. С. Бернат // Сопоставительная лингвистика: Бюллетень Института иностранных языков. – Екатеринбург, 2004. – С. 12-14.

6. Бернат О. С., Турбина О. А. Лингвистическая эстетика символизма и лингвистический символизм в поэзии Марины Цветаевой. / О. С. Бернат, О. А. Турбина // Язык. Система. Личность: Материалы международной конференции. – Екатеринбург, 2004. – С. 129-141.

7. Бернат О. С. Основополагающие приемы поэтического языка М. И. Цветаевой / О. С. Бернат // Язык. Культура. Коммуникация: Материалы международной научной конференции. Челябинск, 2004. – С. 26-31.

8. Бернат О. С. Эстетика символизма как проявление языкового познания мира / О. С. Бернат // Язык. Культура. Коммуникация: Материалы международной научной конференции. Челябинск, 2005. – С. 40-44.
9. Бернат О. С. Принципы лингвистического анализа художественного текста / О. С. Бернат // Язык. Речь. Речевая деятельность: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск восьмой. Нижний Новгород, 2005. – С. 61-66.
10. Бернат О. С. Особенности поэтического символистского текста / О. С. Бернат // Культура и коммуникация: Сборник материалов II международной научно-практической конференции. Челябинск, 2006. – С. 38-41.
11. Бернат О. С. «Любовь» в символах поэтических текстов М. И. Цветаевой / О. С. Бернат // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики. Материалы международной научной конференции. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – Ч. 1. – С. 159-164.